

ПОРОК ЦЕЛЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СДЕЛКИ КАК ОБЩЕПРАВОВОЕ ОСНОВАНИЕ ЕЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Н.В. Зайцева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

DOI: 10.26456/vtpravo/2020.4.014

В статье рассматриваются сделки, противоречащие по своему характеру нормативным актам и публичному порядку, проведен анализ правовых последствий выявления «незаконной» цели сделки с точки зрения различных правопорядков.

Ключевые слова: *незаконность сделки, публичный порядок, основания нелегальных сделок, тест на достоверность, нравственность и правопорядок.*

Стабильность гражданских правоотношений обеспечивается созданием понятного правового регулирования и очевидным набором исключений, к которым относятся основания изъятия правовой связи из коммерческого оборота (например, признание сделки недействительной). От того, насколько эти основания понятны субъектам предпринимательской деятельности, зависит эффективность правового регулирования и реализация принципа юридической определенности. Участники гражданских правоотношений должны осознавать и учитывать риски признания сделки недействительной и последствий такого признания.

Для любой правовой системы главная цель таких изъятий – не допустить реализации правоотношений с правовыми дефектами, поскольку в конечном итоге это может нарушить права и законные интересы самих участников, третьих лиц или государства.

Одним из оснований признания сделки недействительной является незаконный характер сделки или ее общая целевая направленность [20, с. 22]. Система общего и континентального права выделяет общую «незаконность» сделки – как общепризнанное основание недействительности. При этом незаконность определяется как противоречие цели сделки действующим нормативно-правовым актам или основам правопорядка. И в этой части между правовыми системами существуют различия, а именно как страны оценивают основы правопорядка, справедливость, моральные и нравственные устои, антисоциальный характер сделки и т. д.

Для английского права традиционным является подход, не позволяющий придавать юридическую силу контрактам, которые незаконны и противоречат публичному порядку. В случае такой явной противозаконности договора стороны не смогут привести его в исполнение, поскольку государство не может обеспечивать такие сделки судебной защитой, а органы правосудия, в свою очередь, не могут принимать на себя репутационные риски, «поддерживая» соглашения, противоречащие публичному порядку. Помимо этого, право даже в сфере гражданско-правовых отношений продолжает выполнять определенную «превентивную» функцию, и отказ от судебной поддержки таких сделок будет препятствовать их последующему заключению [7, 12, 17]. Тем не менее отсутствует единое мнение относительно «правильности» такого подхода к последствиям незаконных сделок, поскольку сделка может быть аморальной, но не противоречащей закону, одна из сторон может ничего не знать о противоправных намерениях другой стороны, а наказание за такие сделки дублирует функции уголовного права, – основная задача которого сдерживать потенциально девиантное поведение.

В английском праве сформировались различные доктринальные подходы к классификации противозаконных соглашений. Выделяются соглашения, недействительные в силу закона, по общему праву и противоречащие публичному порядку [22, с. 448]; существует разграничение контрактов, в зависимости от того, связаны они с правонарушением, противоречием публичному порядку или договоры объявляются недействительными в силу закона, не нарушая при этом конкретную норму материального права [25]. Еще одна классификация предлагает отдельно рассматривать незаконность, возникшую при исполнении контракта, незаконность в силу нормативно-правовых актов и незаконность по общему праву [23, с. 328].

В качестве общего основания можно отметить как минимум два источника — это закон и общее право. Так, договор недействителен, если его заключение прямо или косвенно нарушает норму закона. Основные сложности на практике возникают, когда запрет относится к косвенному нарушению закона и судебному органу необходимо определить скрытое намерение законодательного органа запретить именно такую сделку [14]. В настоящее время нормативные акты достаточно часто содержат условия, определяющие последствия для контрактов, заключенных в нарушение этого закона, чтобы избежать неправильного толкования косвенного запрета, поэтому суды неохотно идут на признание подразумеваемого запрета в законе [5, 16].

Незаконность в общем праве чаще всего встречается в контрактах, в рамках которых (или в связи с которыми) совершается преступление; в контрактах которые нарушают стандарты морали и которые наносят ущерб институту брака. Для любой правовой системы сложным является разграничение правовых и моральных стандартов, особенно с учетом изменчивости последних. Так, в определенный период времени контракты между сожительствующими парами считались противоречащими публичному порядку. Однако отношение к парам, живущим в незарегистрированном браке, меняется, и там, где лица живут совместно в стабильных отношениях, маловероятно, что суд рассмотрит имущественные отношения, вытекающие из такого брака, противоречащими публичному порядку [18].

Договоры, наносящие ущерб институту брака, также противоречат государственной политике: например, договор, который удерживает сторону от вступления в брак [8]. В деле *Spiers v Hunt* (1908) [15] обещание мужчины жениться на истице после смерти его жены было признано противоречащим публичному порядку, по причине поощрения распущенности и создания предпосылок более вероятного распада брака (хотя следует отметить, что возможность исков за нарушение обещания жениться была упразднена после правовой реформы).

К соглашениям, противоречащим общему праву, относятся контракты на совершение преступления или гражданского правонарушения [4, 6, 9]. Договор на совершение действия, которое может быть основанием для возникновения деликтного обязательства, также незаконен (например, соглашение на публикацию клеветы), недействительны любые гарантии, выдаваемые лицу о возмещении расходов и т. д. связанных с потенциальным деликтом. Отдельного внимания заслуживают соглашения, причиняющие вред правосудию. Единственная возможная сфера для договорного регулирования — это сделки со следствием, любые иные — о даче ложных показаний в уголовном процессе [13]; о прекращении уголовного преследования; соглашения о противодействии процедуре банкротства; соглашения, которые направлены на злоупотребление процессуальными правами или на поощрение разбирательств, признаются незаконными. Также противоречат публичному порядку контракты, которые ограничивают право стороны обращаться в суд в случае возникновения спора.

Соглашения, которые направлены на нарушение принципов международного права (вмешательства во внутренние дела государства посредством содействия насильственному свержению режима [24, с. 65], организации торговли с недружественными государствами или режимами, находящимися под санкциями, поощрение коррупции, продажа публичных должностей и наград [10] и т. д.), не имеют юридической силы и также рассматриваются судами в русле противоречия общему праву и публичному порядку.

Основная задача классификации — определение правовых последствий, которые возникают при признании сделки незаконной в случае противоречия закону или публичному порядку. Общий подход для «незаконных» контрактов — невозможность их принудительного исполнения в суде, при этом невозможность исполнения предполагается в широком смысле: никакие требования не могут быть поддержаны в суде, если в итоге они приведут к косвенному признанию незаконной сделки — полностью или в части.

Следует отметить, что подход к определению последствий незаконных действий и возможности их защиты существенным образом изменился после рассмотрения в 2016 г. дела *Patel v Mirza* [11]. Верховный суд Соединенного Королевства впервые отклонил формальный критерий, определяющий, может ли ответчик по гражданскому иску полагаться на неправомерное действие истца в его иске, заменив его подходом, учитывающим более широкий спектр фактов и расширяющим случаи действия защиты.

В предыдущем главном прецедентном деле *Tinsley v Milligan* [18] большинство членов Палаты лордов (в настоящее время Верховный суд Великобритании) сформулировало так

называемый «тест на достоверность, основанный на критерии доверия». Он означал, что если ответчик выступил в защиту незаконности, суд рассмотрит вопрос о том, «основывался ли» иск на незаконном деянии самого заявителя, и исходя из этого стороне может быть предоставлена защита.

В деле *Patel v Mirza* Верховный суд согласился с критикой «критерия доверия», по следующим причинам:

- тест разрешал предоставлять защиту в делах в соответствии с процедурной технологией, которая не имеет ничего общего с интерпретацией основ публичного порядка;
- проверка не позволила провести различие между «периферийной и центральной» и «незначительной и серьезной» незаконностью;
- суды имели возможность избежать правила, если им не нравятся последствия его применения, что нарушало принцип правовой определенности;
- правило, основанное на государственной политике, «должно стремиться к наиболее желательному результату для данной политики».

В результате рассмотрения дела Лорд Тулсон изложил новый критерий «диапазона факторов» следующим образом: обоснование доктрины незаконности заключается в том, что исполнение требований против государства будет противоречить общественным интересам, если это нанесет ущерб целостности правовой системы, поэтому при оценке влияния на общественный интерес необходимо:

- а) рассмотреть основную цель запрета, который был нарушен, и будет ли эта цель усилена отказом в иске;
- б) рассмотреть другое направление государственной политики, на которую может повлиять отказ в поддержании исковых требований;
- с) рассмотреть вопрос о том, будет ли отказ в иске соразмерным ответом на незаконность, учитывая, что наказание является делом уголовных судов.

Таким образом, система общего права использует критерий эффективного достижения целей при определении последствий признания сделки недействительной. Помогает ли отказ в признании исковых требований приблизиться к целям правового регулирования в данной проблеме или, наоборот, отдаляет от них либо противоречит им?

Противозаконный характер сделки как основание недействительности предусмотрен в ст. 168 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. В первом случае речь идет о сделках, которые нарушают норму права, и это создает условия оспоримости сделки. Такой подход неслучаен – достаточно редко сделки, нарушающие закон, оспариваются самими участниками, чаще всего это делают государственные органы (налоговые, антимонопольные, таможенные и т. д.), в зависимости от того, положения какого нормативного акта нарушены. При этом характер нарушения и его тяжесть не учитываются на первоначальном этапе. Если нарушение не существенно и не было обнаружено государственными органами, или они не смогли его правильно квалифицировать, или оно в принципе не причинило вреда государственной политике, то нет смысла исключать такие сделки из гражданского оборота. В противном случае сделка будет признана недействительной по иску соответствующего органа и законность гражданского оборота в определенной части будет восстановлена.

Основные практические проблемы вытекают из ст. 169 ГК РФ, которая определяет ничтожность сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка и нравственности. Первое, что привлекает к себе внимание, это понятия правопорядка и нравственности, которые не имеют нормативного закрепления [19, с. 140]. Второе — это очевидное пересечение со ст. 168 ГК РФ, в результате которого становится непонятно, где заканчивается нарушение требований закона и иного правового акта и начинается противоречие правопорядку. Если ст. 168 ГК РФ имеет целью защитить конкретные нормы писаного права, то тогда правопорядок станет идентичным нравственности – как категории, имеющей в своем основании некий моральный стандарт.

Сложность разграничения нарушения правопорядка и норм права наглядно демонстрирует Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О [2], в котором суд, определяя категорию правопорядка, указывает на явную «антисоциальную» цель сделки, как главный классифицирующий признак, и в то же время относит к основаниям применения ст. 169 ГК РФ нарушение налогового законодательства, при этом значительная часть судебной практики

свидетельствует о применении в этих случаях ст. 168 ГК РФ, поскольку речь идет о нарушении конкретных норм Налогового кодекса РФ. Критерий разграничения, обозначенный Конституционным Судом как не простое «не соответствие» закону, а явное противоречие ему, не вносит никакой ясности, а скорее наоборот, отдаляет как участников гражданского оборота, так и судебные органы от решения проблемы. Правовые механизмы, которые используются в гражданском праве, часто недостаточны для определения действительных намерений сторон. Поэтому установить цели, направленные на явное нарушение закона в рамках гражданских отношений, достаточно сложно, тем более что, следуя логике Конституционного Суда, цель должна быть основополагающей, а значит, должна быть каким-то образом зафиксирована.

Разграничение правопорядка и нравственности также не является тривиальной задачей в условиях отечественного права. Не очевидно решение вопроса содержательного пересечения категорий публичного порядка, морали, нравственности, правопорядка и т. д. при условии, что это не простое несоответствие нормам закона или права, поскольку в данных случаях применяется ст. 168 ГК РФ. Правовые последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ позволяют говорить о правопорядке и нравственности как о категориях, на которых основана вся правовая система [21, с. 56]. После внесения изменений в указанные статьи в 2013 г., Пленум Верховного Суда указал, что антисоциальными сделками по смыслу ст. 169 ГК РФ являются сделки, посягающие на основополагающие принципы общественных отношений, к которым относятся распространение объектов, ограниченных в гражданском обороте, пропаганда социальной, расовой, религиозной и иной дискриминации, сделки, нарушающие основополагающие принципы установления отношений в семье, и т. д. [3, п. 85].

Таким образом, категории правоотношений, подпадающих под действие ст. 169 ГК РФ, совпадают с отношениями, которые запрещаются в системе общего права в рамках публичного порядка, при этом правовые системы исходят из того, что закон не может запретить прямым образом всё, некоторые ограничения существуют как очевидные, в том числе в контексте исторического опыта той или иной страны. По этой причине нет смысла определять наличие намерений у обеих сторон или знания о нарушении публичного порядка в силу очевидности такого нарушения. Установление одной из самых жестких санкций в гражданском кодексе за нарушение данной статьи (взыскание в доход государства всего полученного по сделке) связано с желанием придать ст. 169 ГК РФ максимальный превентивный эффект. Несмотря на изначальную ничтожность таких сделок, для стабильности правопорядка важно, чтобы подобные сделки не заключались в принципе, нежели исключались из оборота постфактум.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019 г., с изм. от 12.05.2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 г. № 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Уфимский нефтеперерабатывающий завод" на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации "О налоговых органах Российской Федерации"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_49667/#dst100011
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/
4. Alexander v Rayson (1936) 1 KB 169. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/alexander-v-rayson.php?vref=1>
5. Archbolds (Freightage) Ltd v Spanglett Ltd. URL: <https://pdfslide.net/documents/archbolds-freightage-ltd-v-spanglett-limitedpdf.html>
6. Bigos v Boustead (1951) 1 All ER 92. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/bigos-v-boustead.php?vref=1>
7. Holman v Johnson (1775) 1 Cowp 341. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/holman-v-johnson.php?vref=1>
8. Lowe v Peers (1768) 2 Burr 2225. URL: <https://lawlegal.eu/lowe-v-peers/>
9. Miller v Karlinski (1945) 62 TLR 85. URL: <https://swarb.co.uk/miller-v-karlinski-ca-1945/>
10. Parkinson v College of Ambulance Ltd (1925) 2 KB1. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/parkinson-v-college-of-ambulance.php?vref=1>
11. Patel v Mirza [2016] UKSC 42. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2016/42.html>

12. Pearce v Brooks (1866) (1866) LR 1 Ex 213. URL: <https://lawcasesummaries.com/wp-content/uploads/kalins-pdf/singles/pearce-v-brooks-1866-lr-1-ex-213.pdf>
13. R v Andrews (1973) QB 422, R v Andrews [2003] EWCA Crim 2750. URL: <https://www.e-lawresources.co.uk/R-v-Andrews.php>
14. Re Mahmoud and Ispahani (1921) 2 KB 716. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/re-mahmoud-v-ispahani.php?vref=1>
15. Spiers v Hunt (1908) 1 RD 720. URL: <https://swarb.co.uk/spiers-v-hunt-1908/>
16. St John Shipping Corp v Joseph Rank Ltd (1957) 1 QB 267,289. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/st-john-shipping-v-joseph-rank.php?vref=1>
17. Taylor v Bowers (1876) 1 QBD 291. URL: <https://www.lawteacher.net/cases/taylor-v-bowers.php>
18. Tinsley v Milligan (1994) 1 AC 340. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1993/3.html>
19. Ельцов В. Н. Некоторые проблемы практики применения норм о последствиях сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8 (148). С. 140 – 144.
20. Егоров Ю.П. Законодательные требования к совершению сделок // Право и экономика. 2004. № 6. С. 21 – 28.
21. Тузов Д.О. Ничтожность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (некоторые размышления о новой редакции ст. 168 ГК) // сб. научных статей памяти Е.А. Крашенинникова / отв. ред. А.П. Сергеев. Ярославль, 2014. С. 55 – 70.
22. Cheshire, Fifoot, and Furmston, «Law of Contract», OUP Oxford; 2017. 17 edition. P. 896.
23. McKendrick Ewan «Contract Law», 13 edition, Macmillan Law Masters, Red Globe Press. 2019. P. 476.
24. Phillip R Wood «Conflict of Laws and International Finance», London, Sweet and Maxwell. 2007. P. 696.
25. Treitel G.H., Edwin Peel, «The Law of contract», Sweet and Maxwell ltd. 2020. 15 edition. P. 1388.

Об авторе:

ЗАЙЦЕВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84). ORCID:0000-0002-3636-8339; SPIN-код 1225-6028; email: zaytsevanv@gmail.com

DEFECT OF THE TRANSACTION'S TARGET AS A GENERAL LEGAL BASE OF INVALIDITY

N.V. Zaytseva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The main target of this article is a research of the deals with transactions that are contrary to law and public policy and analyzes the legal consequences of identifying the "illegal" purpose of the transaction from the point of view of various legal orders.

Keywords: *illegality of the contracts, public order, grounds for illegal transactions, test for reliability, morality and law.*

About the author:

ZAYTSEVA Natalia – PhD, Assistant professor of the Legal Support of Market Economy Department, Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (119571, Russia, Moscow, Vernadsky Ave., 84). ORCID: 0000-0002-3636-8339; SPIN-code: 1225-6028; Email: zaytsevanv@gmail.com

Зайцева Н.В. Порок целевой составляющей сделки как общеправовое основание ее недействительности // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2020. № 4 (64). С. 14 – 22.